

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации В.А. Казанцевой
«Образ Японии в русской языковой картине мира», представленной на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.01 – русский язык (Липецк, 2021 г.: 160 с.)**

Национальная языковая картина мира, являющаяся одним из центральных понятий и объектов исследования в лингвистике конца XX – начала XXI века, представляет собой огромное и чрезвычайно интересное исследовательское поле. Различные фрагменты языковой картины мира проясняют специфику ментальных процессов представителей той или иной нации, а следовательно, открывают сущность мировидения, мировосприятия различных этносов. Для антропологически ориентированного языкознания это чрезвычайно важно. Сказанное определяет актуальность диссертационного сочинения В.А. Казанцевой.

Данная диссертация представляет собой весьма интересное явление в исследовательской панораме русской языковой картины мира. Дело в том, что обычно в поле внимания ученых-лингвистов, интересующихся этой проблемой, попадают феномены, определяемые как ключевые компоненты национальной картины мира, претендующие на то, чтобы раскрыть неизвестные сущностные стороны национального характера, ума, воображения и т.д. Диссертация В.А. Казанцевой принципиально на это не претендует, а потому, как ни парадоксально, дает вполне конкретные и достаточно интересные сведения о русском национальном языковом сознании, воспринимающем «далекий мир» экзотической страны и совершенно иную, трудно сопоставимую со своей собственной культуру.

Образ Японии лежит, конечно, на периферии русской языковой картины мира, а в силу этого является достаточно локальным, четко обозримым и доступным почти исчерпывающему описанию. И это как раз составляет существенное достоинство избранной диссертантом темы. Такой локальный фрагмент позволяет продемонстрировать почти все возможности самой антропоцентрической парадигмы лингвистического исследования, органично синтезировав методологические достижения частных продуктивных направлений современного языкознания: лингвокогнитологии, лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики и др.

Изучая образ Японии, отраженный в русском языке, В.А. Казанцева создает почти полностью завершенную целостную картину явления, что в лингвистических работах последнего времени бывает не часто. Исследование демонстрирует в плане результатов органичный, доказательный и хорошо узнаваемый каждым носителем русского языка культурно-антропологический образ Японии. Диссертантка совершенно права, избрав в качестве теоретических основ своего исследования не только когнитивные и

культурологические подходы, но и относительно новое для нашего времени направление комплексных исследований – имагологию. Данное направление видится весьма перспективным (и диссертация В.А. Казанцевой это доказывает), потому что восприятие «чужого», в противоположность «своему», открывает до того неизвестные стороны не только этого «чужого», но и проясняет «свое» – и как таковое, и как оператор восприятия мира.

Опираясь на охарактеризованную выше теоретическую базу, диссертантка формулирует гипотезу своего исследования, ставит его цель и задачи. В.А. Казанцева абсолютно права в том, что, как лингвист, в ходе подобного исследования она будет иметь дело со стереотипными этническими особенностями восприятия чужого народа и культуры. Именно в таком ключе определены ею положения, выносимые на защиту. На первый взгляд они производят впечатление точечных замечаний, частных наблюдений, узко ограниченных категорий. Но если принять во внимание компактность рассматриваемого в диссертации фрагмента русской языковой картины мира, то это вполне объяснимо и убедительно.

В ходе исследования все положения, выносимые на защиту, диссертантка доказывает, опираясь на достаточно разнородный, но умело сопряженный в своем составе языковой материал. Список проанализированных диссертанткой источников включает 51 наименование. И каждый из них действительно проанализирован, т. к. упоминается в работе не однажды. Можно утверждать, что выводы диссертационного исследования В.А. Казанцевой полностью валидны.

Еще одно достоинство диссертации – умение синтезировать различные варианты антропоцентрической лингвистической парадигмы. В.А. Казанцева в доказательство выдвинутых ею идей приводит данные лексикографии, осуществляет семантико-стилистический анализ отдельных лексем и фразеологизмов, извлекает данные из «ассоциативно-вербальной сети» (определение Ю.Н. Караулова), представленной в «Российском ассоциативном словаре», анализирует данные собственного направленного психолингвистического эксперимента, исследует художественный текст и его особую разновидность – путевые заметки, моделирует коммуникативное поведение японцев и т.д. Все названное не только составляет релевантный для содержания и весомый для убедительности выводов материал исследования, но и показывает хорошее владение современными методами языкознания, а кроме того, умение выстраивать собственную методологическую систему, адекватную изучаемому материалу.

В каждом параграфе второй и третьей главы диссертации В.А. Казанцева как бы демонстрирует возможности нового метода и добавляет своей работе полновесности и убедительности. Еще раз повторим, что создание разностороннего, объемного и целостного методологического комплекса является большой заслугой диссертации.

Первая глава исследования «Теоретические основы изучения проблем формирования образа другого этноса как стереотипа языкового сознания в контексте русской языковой картины мира» посвящена диссертанткой разбору антропоцентрической направленности ее исследования, определению теоретических основ (о которых говорилось нами выше) и выявлению этностереотипических особенностей образного представления имагологической категории «Япония». Нужно отметить, что в теоретических рассуждениях диссертантка вполне основательна, убедительна в трактовке основополагающих идей, бережна по отношению к мыслям своих предшественников. Личный вклад диссертантки осуществлен не только в практической части работы, но и в создании теоретической концепции лингвистической трактовки образа чужой культуры в языковом сознании русского этноса.

Вторая глава диссертации «Образ Японии в языковом сознании носителей русского языка» исследует различного рода лексические представления изучаемого объекта. Японские заимствования в словарном корпусе русского языка сравнительно немногочисленны. Диссертантка избирает в качестве лексикографического источника их фиксации наиболее современное издание – «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина, словник которого создан уже в XXI веке. В.А. Казанцева методом сквозной выборки извлекает из указанного словаря 23 лексические единицы, которые распределяет в шесть лексико-семантических групп. Уже само название данных групп дает определенное представление о том, какие именно сферы жизни Японии интересовали русских людей с давних пор. Это боевые искусства, явления культуры, кулинария, отдельные факты экономической жизни, рыбный промысел, военные и общественные явления страны Восходящего Солнца. Диссертантка опирается не только на дефиниции названного выше словаря Л.П. Крысина, но и на данные других словарей иностранных слов, а также на сведения из энциклопедических источников и отчасти на данные справочной литературы, входящей в список источников диссертации. Диссертантка вполне доказательно раскрывает происхождение и семантическую эволюцию (если такая имеется) достаточно распространенных в русском языке японских заимствований, носящих как экзотический, так и общеупотребительный характер. К первому типу относятся слова вроде *самурай*, *кабуки*, *харакири* и подобные; ко второму – *бонсай*, *икебана*, *иваси*, *ролл*, *караоке* и др.

Фразеологические единицы русского языка с этнонимическими компонентами *японец*, *японский* становятся предметом рассмотрения диссертантки во втором параграфе второй главы. Справедливо отмечается эвфемистический характер многих из них, возникающий в результате созвучия начального слога этнонимов с огласовкой корней отдельных обценных слов русского языка. Разумеется, данное явление не имеет прямого отношения к лингвистической имагологии, однако вносит в нее

отдельные коннотативные элементы и проявления языковой игры. Опираясь на этимологические источники лексикографического и фразеологического характера, диссертантка убедительно доказывает, что многие из устойчивых этнонимических выражений исследуемого смыслового поля связаны с историей отношений России и Японии рубежа XIX – XX вв. Так, В.А. Казанцева реконструирует происхождение выражения *японский городской* с опорой на исторический факт покушения на цесаревича Николая в 1891 году и, хотя уже в начале XX века этот оборот оброс дополнительными смыслами и ассоциациями (в том числе из внутрироссийской жизни), тем не менее, обнаружение его источника достаточно важно и выглядит вполне убедительно. Аналогичное можно утверждать и о тех оборотах, которые диссертантка возводит к событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. Необходимо отметить, что фразеологические обороты с этнонимическими компонентами хорошо иллюстрируют определенный этап российско-японских политических контактов и «реакцию» языка на негативные межгосударственные отношения. Несмотря на то что межгосударственное взаимодействие впоследствии меняло свой характер, лексико-фразеологические пласты с лексемами *Япония*, *японец*, *японский*, уже сложившиеся в русском языке, продолжали существовать, и на них, как на некую базу, накладывались иные ономазиологические и семасиологические наращения.

Вторая часть (§§ 3-4) второй главы посвящена психолингвистическому аспекту восприятия образа Японии языковым сознанием русских людей. Третий параграф построен на материале «Русского ассоциативного словаря», в словнике которого диссертантка работает с группами ассоциатов на стимулы *японец* и *японский*. Создатели «Русского ассоциативного словаря» определяли свою задачу именно как воспроизведение языкового сознания среднестатистических носителей русского языка. Ю.Н. Караулов, Н.В. Уфимцева и Е.Ф. Тарасов не раз утверждали, что ассоциаты, являясь, казалось бы, самым элементарным языковым проявлением человеческой психики, вместе с тем дают весьма точную картину механизмов работы языкового сознания, его основных и побочных векторов, предпочтений, идеалов и т.д. Количественные показатели реактивного ряда, включающие ассоциаты, имеющие повторяемость, с одной стороны, более 20, с другой – единичные, позволяют достаточно точно определить указанные выше векторы. В.А. Казанцева сопоставляет данные ассоциативного словаря с группами уже проанализированных ею лексических заимствований из японского языка и убедительно доказывает, что образы японских боевых искусств, специфические культурные представления жителей Страны Восходящего Солнца (возможно, по контрасту) достаточно просто усваиваются носителями русского языка.

Этот же вывод можно сделать, знакомясь с направленным ассоциативным экспериментом, проведенным самой диссертанткой.

Действуя по программе Московской психолингвистической школы, диссертантка избирает в качестве информантов представителей молодого поколения – студентов университета, что дает ей возможность воспроизвести актуальную и вместе с тем перспективную картину языкового сознания русских начала 20-х гг. XXI века. Стимулами в ее эксперименте становятся слова *Япония* и *японец*, которые дают в целом те же устойчивые национальные представления о Стране Восходящего Солнца и особенностях ее жизни. Следует только отметить, что, наряду с традиционными культурными векторами в ассоциатах современных молодых россиян отчетливо проявляются векторы экономические. Так, Япония мыслится ими как *цветущая, сверхсовременная, развитая, высокотехнологическая* (это ассоциаты с индексом более 20). Показательно и то, что ассоциативный ряд к существительному *японец* как бы воспроизводит понимание русскими молодыми людьми причин экономического роста и процветания: *японец* мыслится как *трудолюбивый и умный*.

Психолингвистический эксперимент дает возможность диссертантке внести определенные коррективы в изучаемый ею имагологический образ, которые еще не отразились в словарях и литературных контекстах, но активно существуют в живой разговорной речи россиян. В качестве примера можно привести ассоциат *анимэ*, который добавляется к традиционным этнонимическим ассоциатам уже в XXI веке.

Третья глава работы «Лексико-семантическая репрезентация образа Японии как объективация стереотипов сознания русского народа и их отражение в текстах различных литературных направлений и жанров» воспроизводит образ Японии, складывающийся в русской литературе, публицистике, фольклоре, научно-популярных и отчасти справочных текстах. Диссертантка вполне убедительно показывает, что образ далекой полулегендарной страны обрел вербальное воплощение в сказаниях о далеких землях, которые были издавна представлены в русской литературной традиции. По сведениям, обнаруженным В.А. Казанцевой, первые полноценные воплощения образа Японии как Беловодского и Опоньского царства, отражены старообрядческими повествованиями-хождениями, зафиксированным достаточно поздно – лишь в самом начале XIX века. Именно из них берут начало представления о Японии как обетованной земле, далеком и почти недостижимом рае.

Далее диссертантка достаточно подробно исследует авторскую литературную традицию в воплощении исследуемого образа. В сферу ее внимания попадают как достаточно объемные тексты путешественников (В.М. Головнина, И.А. Гончарова), так и произведения, в которых отражаются лишь отдельные штрихи восприятия далекого, но интересного для русского человека мира. В.А. Казанцева анализирует прозу П.Н. Мельникова-Печерского, стихотворения К. Бальмонта, Д. Бурлюка, В. Клюевой и др.

Важные сведения для создания целостного и законченного представления об этностереотипе Японии в русском языковом сознании вносят данные, извлеченные диссертанткой из историко-этнографических произведений и записок, к числу которых принадлежат дневники равноапостольного Николая Японского (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина) и книга Всеволода Овчинникова «Ветка сакуры». Они дополняют исследование указаниями на то, как русское сознание в различные эпохи преодолевало культурные барьеры между странами и как язык, будучи социальным по своей сути, это отражал.

Весьма интересно и полно диссертантка представляет образы Японии и японца, сложившиеся в русском языковом сознании в период военных конфликтов между странами. Наибольший пласт этноязыковых стереотипов возник после Русско-японской войны 1904–1905 гг. Именно в это время Япония стала восприниматься как враждебное государство, а Япония – как враг. Произведения Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, А.С. Новикова-Прибоя, В.В. Вересаева и др. прочно заложили в русское сознание образы коварных самураев, бездушных макак, хитрых и скрытных шпионов и т.д. Показательно отражение этих стереотипов в песнях первой трети XX в., которые вошли в широкий народный обиход: «Варяг», «По долинам и по взгорьям...», «Три танкиста» и др. Диссертантка делает убедительные выводы, опираясь на собранный ею широкий литературный языковой контекст.

Заключительный параграф третьей главы посвящен особенностям восприятия коммуникативного поведения японцев в сознании носителей русского языка. Опираясь на концепцию И.А. Стернина и Ю.Е. Прохорова, диссертантка эксплицирует важнейшие черты национального поведения японцев, отмечаемые русскими: ритуальность, церемониальность, учтивость, медлительность, сдержанность, стремление к компромиссу. В.А. Казанцева показывает неоднозначность отношения русских к подобным поведенческим формам. Похвально, что она не идет вслед за сугубо социологическим представлением о том, что Япония служит для современной России определенным примером, а опирается на строго языковые оценки имагологических поведенческих форм.

Остановимся на тех аспектах диссертации, которые вызывают вопросы, сомнения и воспринимаются как недосказанные.

1. Определяя теоретические основы исследования, В.А. Казанцева не упоминает такое направление, как этнопсихолингвистика, а между тем, ее диссертация в эмпирическом доказательстве выдвинутых на защиту положений в значительной степени опирается на данные именно психолингвистики, скорректированные в этнологическом ключе (имеются в виду данные «Русского ассоциативного словаря» и направленный ассоциативный эксперимент самой диссертантки). На наш взгляд, имело бы

смысл сослаться на работы сотрудников сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН и уж во всяком случае на основополагающие труды его главы – профессора Н.В. Уфимцевой, которая уделяет много внимания отражению иных культур в языковом сознании того или иного этноса. Имя Уфимцевой упоминается в работе, но ее важнейшие исследования прошли мимо диссертантки.

2. На наш взгляд, в третьей главе упущен один важный аспект (и хронологический период), связанный с изменением отношения русских к Японии и японцам после Второй мировой войны. Американская атомная бомбардировка Хиросимы 6 августа 1945 года и Нагасаки 9 августа 1945 года была воспринята русскими людьми как преступление. С этого времени возникло совершенно новое отношение к японцам как к жертвам агрессивной политики США. Былое враждебное восприятие поменяло свой знак на прямо противоположный, с чем связаны многие культурные факты 50 – 70-х годов XX века: активное содействие работе японского режиссера Акиры Курасава над фильмами по русской классике (в том числе кинофильмом «Дерсу Узала» (1975) по роману В.К. Арсеньева), всенародная любовь к японской актрисе Камаки Курихаре (особенно после фильма Сергея Соловьева «Мелодия белой ночи», 1977), советско-японское сотрудничество в изучении творчества Чехова, Льва Толстого, постоянный обмен культурными делегациями и т.д.

3. Диссертанткой, к сожалению, не отмечен особый романтический ореол, который возник в русском языковом сознании вокруг образа Японии в первые послереволюционные годы, что было связано с популяризацией экзотики поэтами так называемого «серебряного века». Это касалось преимущественно романтизации отношений между мужчиной и женщиной. С нашей точки зрения, заметный штрих в восприятии образа Японии внесли стихотворения Николая Гумилева и других акмеистов, а также знаменитое произведение Веры Инбер «Девушка из Нагасаки», ставшее песней и получившее множество народных вариантов. Заметим, что подобная романтизация продолжилась в 1980-е – 1990-е годы и связана с творчеством Бориса Гребенщикова («Пока несут сакэ» и др.), оказавшего заметное влияние на язык русского андеграунда.

4. Нам вполне понятна направленность диссертации в сферу этностереотипа и лингвистической имагологии, но вместе с тем думается, что упоминание весьма развитой и авторитетной российской японистики в ней все-таки необходимо. Интерес крупных лингвистов, их серьезные труды по японским диалектам и востоковедению в целом свидетельствуют об интересе к стране, ее культуре, ее населению. 1910-е – 1920-е годы дали небывалый всплеск лингвистических работ по японистике. Н.А. Невский, О.О. Розенберг, Е.Д. Поливанов, Н.И. Конрад не просто изучали японский язык и культуру (в том числе культуру айнов и диалекты или самостоятельные языки островов Рюкю), но и неоднократно бывали в

Японии, перенося многие ее этнические «детали», интересные русским, в общение членов ОПОЯЗа и близких к нему кругов. Добавим, что Н.И. Конрад, единственный оставшийся в живых после сталинских репрессий представителей славной когорты японистов, в 1966 году издал свой ставший классическим труд «Запад и Восток», который также было бы уместно упомянуть (а лучше и процитировать) в этой диссертации, так как он в не меньшей степени, чем «Ветка сакуры» Вс. Овчинникова, воссоздает образ Японии в русском сознании.

5. Не совсем верным кажется рассуждение диссертантки на с. 54 о приобретении словом *иваси* в русском культурном сознании вторичных смыслов. *Иваси* как обозначение дуэта Иващенко и Васильева представляет собой языковую игру с аббревиатурой, составленной из начальных компонентов их фамилий, а вовсе не развитие какого-то переносного смысла. Но, вероятно, вторичные значения у этого хорошо освоенного слова все-таки возникают. Их нужно только более внимательно поискать и научно зафиксировать.

Вполне допускаем, что приведенные недостатки и лакуны в диссертации могут быть таковыми только в глазах оппонента. Они, конечно, носят дискуссионный характер и несколько не ослабляют общего позитивного восприятия работы В.А. Казанцевой.

Диссертация является целостным, законченным научным сочинением, доказавшим теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области русистики. Общие и частные выводы диссертации отличаются непротиворечивостью и обоснованностью. Доказательства положений, выносимых на защиту, убедительны, весомы, репрезентативно иллюстрированы.

Диссертация прошла необходимую апробацию, имеет все признаки исследовательской новизны. Результаты и выводы работы могут быть использованы в научной и дидактической практике. Доказанные В.А. Казанцевой положения ценны не только для теоретической лингвистики, но и для эмпирического изучения сходных имагологических феноменов.

Работа отличается единством стиля, хорошим языковым оформлением, продуманной, логичной композицией.

В.А. Казанцевой с необходимой подробностью изложила свои научные результаты в публикациях (их 12), 4 из которых – в реферируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Представленный автореферат отражает основные положения диссертации.

Сказанное выше дает основание заключить, что диссертация «Образ Японии в русской языковой картине мира» отвечает требованиям, предъявляемым в пунктах 9–14 «Положения о присуждении ученых

степеней», которое утверждено постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г., а ее автор Вероника Алексеевна Казанцева заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

01 декабря 2021 г.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и литературы
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого

Д.А. Романов

Романов Дмитрий Анатольевич;
доктор филологических наук (специальности:
10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка);
сайт с научными публикациями оппонента:
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=647487;
e-mail: kafrus@rambler.ru;
тел.: 8-4872-36-01-45;
адрес: 300026, Россия, г. Тула, ул. Менделеевская, 7;
тел. организации: 8-4872-35-14-88;
официальный сайт организации: <https://tsput.ru>;
e-mail организации: info@tsput.ru.

Подпись: Романова Д.А.
Заведующий, Начальник отдела
делопроизводства и связи
